

Tátovo mojeho sestra

Сергей Скорвид (Москва)

My father's sister – Tátovo mojeho sestra

The paper takes up the question of the character of the undeclined forms of possessive adjectives ending in *-ovo/-ino*, which are typical of Southwestern Czech dialects, with regard to some other petrified possessive forms in Czech in synchronic and diachronic aspects. The author develops the ideas of J. Vachek and compares Czech adjective forms with the genitive case in German. It is shown that those formations, despite their different origins, display essential correspondence which appeared as a result of the contact between both languages in this part of the Central European area. The author gives also rare examples of possessive forms in two Czech dialects spoken in the Northern Caucasus and in the Middle Irtysh area of Russia.

Key words: Czech dialects, possessive adjectives, German genitive case, language contact, Central European area

1. Формы притяжательных прилагательных (далее ПП) с неизменяемым застывшим показателем *-ovo/-ino* являются одной из самых ярких примет юго-западных чешских диалектов. Распространение их на территории собственно Чехии лингвогеографически точно охарактеризовал и красноречиво документировал примерами еще Я. Белич в «Очерке чешской диалектологии» (Bělič 1972, 172-173); в новейший период данное явление было подробно описано и картографировано в четвертом томе «Чешского языкового атласа» (ČJA 4, 310-326, карты 209-219). В дополнение к этому описанию укажем на факт наличия подобных форм в юго-западночешском по происхождению диалекте потомков чешских переселенцев на российском Северном Кавказе, в селах Кирилловка под Новороссийском и Варваровка под Анапой. Ср. формы на *-ovo* из Кирилловки: [Čí to byl bratr?] *D'edovo, d'edovo...* [Чей это был брат?] Дёдов, дёдов'; *mámje se... d'edouškovo...* *Kateřina řikalo* 'маме... дедушкиной... Катержина имя было'; *přineste fotky tařinkovo* 'принесите фотокарточки папины' (Скорвид – Третьякова 2009, 49). Формы на *-ino*, причем без чередования корневой заднеязычной согласной (по русскому образцу), зафиксированы в Варваровке: *Tařinkovo mamka, mamkino mamka – von ě š řechni bili Čeři. Daře eře maminkino máma, vona babiřku mn'ela nastořaře Čeři.* 'Папина мама, мамина мама – они же все были чехи. Даже еще мамина мама, у нее бабушка была настоящая чешка.'

В Чехии формы на *-ovo/-ino* по сей день выступают в качестве специфической особенности юго-западных диалектов, оставаясь живыми в чешском языковом сознании и служа даже до некоторой степени «визитной карточкой» речевого своеобразия региона – в первую очередь «показательно-заповедного» Ходского края. Так, музейную усадьбу главы восстания «ходов» XVII в. Яна Сладкого по прозвищу Козина на местный лад называют *Kozinovo statek* (на сайте Чешского радио уточнено: *Sladkého statek, kterému se pořád řikalo Kozinův, neboli po chodsku „Kozinovo grunt“*), а на интернет-форуме DigiZone.cz один из участников так указывает свой адрес: *Bydlím v Domařlicích na Kozinovo poli.*

Число таких примеров, пусть не собственно диалектных, а из «региолектной» юго-западной разновидности обиходного чешского языка, удастся значительно умножить с помощью Интернета. Весьма разнообразными оказались результаты поиска

употребления чаще всего отмечаемых диалектологами и других наугад выбранных форм на *-ovo/-ino* на западночешском сайте info-plzen.cz: *Sousedovo pes mě už delší dobu štve* ‘Соседская собака меня давно бесит’; *jak sme si furt pučovali ty sousedovo kořata* ‘как мы то и дело одалживали друг другу этих соседских котят’; *bratrovo bejvalá kámoška ze třídy* ‘бывшая подружка брата из класса’; *jdem s bratrovo dítětem ho obleknout* ‘идем с ребенком брата купить ему что-то из одежды’; *naučila se spolupodílet na synovo léčbě* ‘научилась участвовать в лечении сына’; *Dej si jako zákusek tu štrúdlí, je na tom tatínkovo kredenci* ‘Возьми на сладкое штрудель, он на папином буфете’; *Já o něm říkám: Mámino kámoška* ‘Я его называю: маменькина подружка’; *Neprošlo to, takže Jiřčino výstup v kuchyni asi nebude* ‘Ничего не вышло, так что выступление Итки на кухне, наверное, не состоится’. Характерны и «цитатные контексты»: *Říká se přece tatínkovo boty!* ‘Ведь говорят же – отцовы башмаки!’; *Jak se to říká s tou sousedovo kozou? (Přej typisch tschechisch...)* ‘Как это говорят про ту соседскую козу? (Якобы типичш-чехиш)’. Фиксируемые на других сайтах примеры южночешского происхождения также весьма примечательны: ср., с одной стороны, реплику *hosté vedli 0:1 Novákovo brankou z 26. min.* ‘гости вели в счете 0:1 после гола Новака на 26 минуте’ на сайте www.jihoceskyfotbal.cz, а с другой – заголовок интернет-блога *Theologovo heidelberský zápisník* ‘Гейдельбергский дневник Теолога’, из которого выясняется, что автор родился и живет в Чешских Будеёвицах – в *Budějčích* (<http://theologovo.blog.cz/0512>). Не все эти примеры из Интернета, как мы еще убедимся, релевантны диалектологически, однако они всегда интересны типологически и социолингвистически.

При всей территориальной периферийности форм на *-ovo/-ino* они представляют собой весьма примечательный рубеж в развитии славянских ПП. Заслуживает внимания, что В. Скаличка (Skalička 2004/1941, 210), а позже и другие исследователи называли это явление типологически чуждым устойчивому в остальном флективному строю чешского и вообще большинства славянских языков. Из авторов новейшего периода О. Уличный усмотрел природу распространяющегося, по его мнению, в современном чешском языке типа *tatínkovo aktovka* ‘папин портфель’ в синтаксической дефлексивизации. «Речь идет об исходно диалектном явлении – так расставшихся с флексивностью притяжательных прилагательных», которое «проникло из южной и западной Чехии на север и в Прагу и в речи молодого поколения конкурирует в качестве крайне экспрессивного средства с присубстантивным родительным падежом», поясняет лингвист (Uličný 2003, 161).

Материал Интернета требует отнестись к выводу этого ученого о распространении форм на *-ovo (-ino)* на север Чехии и в Прагу с известной осторожностью. *Upřímně – mě se nejvíc líbí Oldovo návrh kvůli tomu, že to i trochu připomíná klasiku nejklasikovatější* (<http://www.liaz.cz/forum/viewtopic.php?t=4456&postdays=0&postorder=asc&start=150>) ‘Если честно, мне проект Олды нравится больше всего тем, что он несколько напоминает самую что ни на есть классику’ – этот и иные такие встречающиеся в современном Интернете контексты, конечно, могут и не свидетельствовать о юго-западночешских корнях пишущих. Автор цитированной реплики с форума, посвященного ралли «Дакар», не сообщил своего местожительства, но в других подобных случаях, когда его удастся установить, это порой оказывается, к примеру, северо-западная Чехия: ср. реплику с форума профтехучилища в Хомутове *Máme poslední den na vyřešení... nejpozději v úterý rezervuju loď... takže já jsem pro Jiřkovo návrh...* (<http://v4.webz.cz/index.php?choose=guestbook2&strana=11>) ‘У нас остался последний день, чтобы принять решение... самое позднее во вторник я заказываю кораблики... так что я за предложение Иржика’. Таким образом, некоторая экспансия форм на *-ovo* в Интернете (и через Интернет) действительно имеет место; при этом, однако, нельзя не видеть, что обычные пользователи склонны по-прежнему оценивать их как диалектные. Показателен следующий пример.

В 2006 г. на чешском музыкальном сервере в разделе новостей была помещена небольшая заметка о дочери популярного американского рок-исполнителя Курта Кобейна (<http://musicserver.cz/clanek/15838/Cobainova-dcera-prisla-na-foceni-v-otcove-pyza-mu/>), текст которой, видимо, содержал несколько неизменяемых форм на *-ovo* (вскоре, впрочем, исправленных), на что последовали такие реакции участников дискуссии:

Brutwan

Proboha, kdo to psal? Co to má být – „v tatínkovo starých dřevorubeckých kabátech“, „v otcovo kabátě“? Ne všichni jsme Pražáci, takže by to chtělo spisovnou češtinu, které porozumí i Hanák nebo Slezan.

Господи, кто это писал? Что это такое – «в папашиных старых куртках лесорубов», «в папашином пальто»? Не все мы из Праги, так что тут хотелось бы видеть литературный чешский язык, который поймет и «ганак» или силезец.

Amnésie

Ale tohle je tuším zrovna původem z Jižních Čech, z Prahy ne-e :)

Но вот это как раз, мне кажется, родом из южной Чехии, а не из Праги.

Blackholesun

presne tak timhle se vyznacuje jihoceske naroci...

Именно так, этим отличается южночешский диалект...

Интересные комментарии пользователей касательно происхождения и экспансии форм на *-ovo* находим в одном из блогов (<http://nowhereman.blog.cz/0701/brzo/>):

Lenka

Já se zas přestěhovala na jih a tam se říká „tatínkovo kabát“ <...> volají na tebe paní Nováku atd. A tak to říkám stejně. :-)

Я переселилась на юг, и там говорят *tatínkovo kabát*, окликают тебя *paní Nováku* и т. д. И я тоже стала так говорить.

NowhereMan

To neskloňovatelné „-ovo“ na konci je zajímavější jev, objevuje se to myslím čím dál tím víc... u nás několik lidí říká něco jako „to je ten Novákov systém“ a tak podobně...

Это неизменяемое *-ovo* в конце – интересное явление, мне кажется, оно встречается чем дальше, тем больше... у нас некоторые говорят нечто вроде *to je ten Novákov systém* и т. п.

Любопытно последнее замечание – «у нас некоторые говорят ...» – с примером, согласующимся также с нашими наблюдениями над бытованием форм на *-ovo* в чешском Интернете. Следует думать, что они ширятся главным образом в компьютерном жаргоне (сленге); это подтверждают, в частности, названия сайтов типа *Milanovo hokejové stránky* или *Robinovo stránky*, а также блогов: выше уже шла речь о южночешском пользователе, ведущем блог *Theologovo heidelberský zápisník*, прибавим теперь, что по его образцу – и с соответствующими ссылками – его знакомый студент-юрист из Праги тоже завел блог, озаглавленный *Právníkovo deníček* ‘Дневничок юриста’ (<http://pravnik.bloguje.cz/>).

В завершение этого экскурса в Интернет отметим характерное преобразование в форму на *-ovo* первой части англоязычного названия сетевого дневника QuickShare блог в чешской записи там: *Tímto bych chtěl využít prostoru na QuickShareovo blogu a veřejně mu (!) moc a moc poděkovat...* ‘Тем самым я хотел бы воспользоваться местом в блоге QuickShare и публично очень и очень поблагодарить его...’ Форма на *-ovo*, как хорошо видно на этом примере, органично используется в соответствии с несогласуемым прилагательным в английском, и в данном смысле действительно можно вслед за О. Уличным говорить о секундарной мобилизации абсолютно периферийного для чешской морфологии элемента в связи с тенденцией дефлективизации, действующей

в современном чешском языке в общем контексте языковой глобализации (с сопутствующими ей активными межъязыковыми контактами). Но при всем этом явно рано было бы вести речь о некоем возрождении форм на *-ovo* к новой жизни, так как, повторяем, на их восприятие, а у многих и неприятие, накладывают печать их диалектные истоки – как выяснится в дальнейшем, также, возможно, связанные с языковыми контактами, актуальными для более давней эпохи.

2. Проблематикой происхождения диалектных форм ПП на *-ovo/-ino* подробно занимался Й. Вахек (Vachek 1954; 1972). Застывание ПП с суффиксами *-ov-* и *-in-* в исконных именных формах именительного/винительного падежа единственного числа (далее И/В ед.¹) ср. р. в юго-западных чешских говорах он объяснял радикальной реализацией глобальной общезападнославянской тенденции к ликвидации исконного именного склонения адъективалий. У ПП данный процесс протекал в истории чешского языка в целом медленно, так что литературный язык и большинство диалектов до современного этапа сохраняют в парадигме этой категории разный набор старых именных форм. Правда, говоры – в которых они держатся достаточно прочно только в прямых падежах – порой отражают и всеобъемлющее вытеснение именных окончаний местоименными в парадигме ПП: ц.-чеш. диал. *talínkovej* ‘папин’ и т. п. (ср. также *bratrovej* ‘брáтов’, *sestřinej* ‘сестрин’ в *ČJA* 4, 312, 322, карты 209 и 216). В свете этих фактов своеобразие развития в юго-западных чешских диалектах виделось ученому в том, что в результате унификации неизменяемых форм на *-ovo/-ino* они быстрее остальных достигли ликвидации именного склонения ПП, устранив всю парадигму.

Как фактор, который, вероятно, детерминировал специфичность всего хода исторической эволюции чешских ПП (в противоположность иным прилагательным), Й. Вахек отмечал их семантическую близость существительным, подчеркивая, что ПП обыкновенно выражают отношения к определенным индивидам. Формы же на *-ovo/-ino*, заключал лингвист, лишившись собственного склонения, вообще примкнули к субстантивному словоизменению как вариант Р ед., хотя неполноправный в отношении синтагматического поведения, прежде всего с точки зрения местоположения в словосочетании и «подчиняющей способности»: ср. *talínkovo klobouk* ‘папина шляпа’, но *klobouk našeho tatínka* ‘шляпа нашего папы’. Эта оговорка, впрочем, кажется излишней, так как асимметричная дистрибуция диалектных форм на *-ovo/-ino* и адноминального Р ед. явно стремится выровняться в очерченной зоне в обоих направлениях. С одной стороны, при доминирующем в этих диалектах типе *z bratrovo klukem* ‘с сыном брата’ они знают также тип *z bratra klukem* (Bělič 1972, 173; позже Janečková 1994, 12; 1995, 14), с другой же – при просмотре записей диалектных текстов из этой зоны нами было обнаружено чрезвычайно примечательное сочетание *vo tich mejch chlapcech toho sinovo* (ČNT 54), букв. ‘о тех моих мальчиках того сына’, т. е. ‘о мальчиках (этого самого) моего сына’ (чеш. лит. *o chlapcích toho mého syna*). Второе такое сочетание, вынесенное в заголовок данной статьи, встретилось в рассказе уроженки села Варваровка Марии Малик 1932 г.р., живущей в Анапе: *moje tetá... vona mn'ě nerodná, dvojurodná... tátovo moje-ho sestra* ‘моя тетя... она мне не родная, двоюродная... папы моего (двоюродная) сестра’.

Эти конструкции, отражающие возможность зарождения у форм на *-ovo/-ino* хотя бы лишь окказиональной синтаксической сочетаемости, свойственной существительному, несомненно, стоят в одном ряду с подобным же явлением в синтаксисе изменяемых адъективных ПП, более или менее регулярно встречающимся на современном этапе в центральных словацких и в серболужицких (верхнелужицких, меньше – нижнелужицких) диалектах, а также с определенными ограничениями и в соответствующих литературных языках. Ср.: диал. ц.-слц. *stariho ocova viňica* ‘дедов

1/ Аналогично ниже обозначены другие падежи: родительный единственного и множественного чисел – Р ед. и Р мн., творительный единственного и множественного чисел – Т ед. и Т мн. и т. д.

виноградник', *teho mojejo švagrof, mojej žeňin brat* 'этого моего шурина (?), моей жены брат' (Štolc 1966, 263); лит. слц. *pri našej nevestiných rodičoch* 'у родителей нашей невесты' (Pauliny – Ružička – Štolc 1968, 212); диал. в.-луж. *mojej maćerne (< -y) brat* 'брат моей матери', диал. н.-луж. *nana/folera bračowe žiši* 'дети брата отца' (SS 1996, 68, 72); лит. в.-луж. *stareho wučerjowa zahroda* 'сад старого учителя' (Faska 2003, 37). Указание на подобные конструкции явилось краеугольным камнем аргументации целого ряда ученых в пользу выдвинутого ранее Н. С. Трубецким (Трубецкой 1987/1937; Trubetzkoy 1968, 152, 188) предположения о принадлежности славянских ПП к субстантивному словоизменению даже при наличии у них нормальной адъективной парадигмы (Исаченко 1965; Lötzsch 1965; Petr 1971; Ревзин 1973).

Й. Вахек был более традиционен в трактовке адъективных ПП, считая условием интеграции указанных дериватов с парадигмой базовой лексемы утрату ими склонения. Мы же, напротив, полагаем, что и специфический локальный феномен отмирания флексий у форм на *-ovo/-ino* на юго-западе Чехии, и шире отмечающееся по регионам Западной Славии развитие свойственных существительному синтаксических валентностей у ПП (в том числе как окказионального явления и у чешских диалектных форм ПП на *-ovo/-ino*) представляют свидетельства проявляющегося на разных языковых уровнях завершения этой интеграции, обусловленной изначально субстантивным характером семантики ПП.

С учетом прежде всего семантики можно принять оценку частеречного статуса славянских ПП, предложенную Н. С. Трубецким. Для них мало констатировать вслед за Й. Вахеком и иными авторами лишь функционально-семантическую близость базовой лексеме: главное – в категориальном содержании ПП, которые выражают атрибутивные отношения к единичным индивидам (причем, сверх того, определенным, как справедливо замечает Й. Вахек), имеет место транспозиция грамматических значений, внутренне присущих имени существительному, конкретно падежа (Р) и числа (ед.). Этим ПП были исторически противопоставлены относительным прилагательным.

Из древнеписьменных славянских языков означенное противопоставление достигло наибольшей остроты в чешском. Корпус ПП издавна ограничивался здесь образованиями по сути дела всего двух типов, с парой характерных именно для данной функции суффиксов, а именно *-ov-* и *-in-*, дистрибуция которых переняла в процессе развития языка родовой принцип, ставший фундаментальным и в субстантивном словоизменении. Континуанты иных исторических типов ПП, в основном с рефлексамии форманта **-j-*, если сохраняли адъективность, то квалифицировались в преобладающем большинстве как относительные прилагательные (с соответствующей заменой всех именных форм местоименными). За категорией ПП закрепились лишь некоторые образования таких типов. При этом заслуживает внимания, что старое ПП на **-j-* к существительному *pán/pan* 'господин' к XIV в. застыло в именной форме И/В ед. ср. р. *páně*.

Застывание форм ПП на *-ov-* и *-in-* наступало позднее, однако на подобной же основе. Также и здесь, несомненно, сказалось изолированное положение всей названной категории адъективных дериватов с их принципиально грамматическим представлением значения предметности – в противоположность относительным прилагательным, которые вообще все больше теряли способность выступать средством сигнализации предметных отношений, или «конкретность значения» (Потебня 1968, 409-410).

Чисто субстантивная семантика обуславливала морфологическую изоляцию ПП, выражавшуюся в сохранении у них в той или иной мере исконных именных форм. Новые местоименные вначале вытеснили их лишь из косвенных падежей множественного числа и творительного единственного (историки чешского языка отмечают в старейших памятниках XIV в. лишь редкие реликты именных форм Т ед., Т мн. и Р мн., напр.: *kdež přívuzných králův není* LegJidM 12 'где нет родичей короля'). Стабилизировавшийся

в XIV в. комбинированный тип парадигмы ПП держится и поныне в литературном чешском языке, а также в говорах на северо-востоке Чехии. Уже с XIV в. в древнечешских текстах прослеживаются, однако, и примеры типа *ot Přemyslového nalezení* Dal 10 'об обретении Пршемысла'. Увеличение их количества в XV в. означает, что в живом языке в тот период парадигма ПП получила иной облик, какой ныне отражен большей частью чешских говоров, с сохранением именных форм только в пределах прямых падежей. Эти немногочисленные показатели исключительности ПП в условиях постепенного усиления их изоляции и обнаруживали склонность к застыванию. Очертим в обзорном порядке историю отдельных таких застывших форм.

3. Я. Гебауэр в «Исторической грамматике чешского языка» приводит два примера неизменяемых форм генетически И/В ед. ср. р. на *-ovo*, относящиеся к XV и XVI вв.: *ta královna třpaslkovo zemi mějše* TandZ 176a (1463) 'та королева карликову страну (в своей власти) имела'; *jsemť orlovo jediný dráb* RZvř 1528 'я единственный орлов наемник' (Gebauer 1960, 269).

Эти извлечения можно дополнить еще четырьмя из памятников XV в.: *i sebrachu sě synové, aby ... obměkčili bolest otcovu* ComestC 43a1 (1404) 'и собрались сыновья, чтобы ... смягчить боль отца'; *pověz mi léto, den a hodinu narození královu* AlexPovA 23a1 (1433) 'скажи мне год, день и час рождения царя'; *vypisuje se znamení narození Kristovo* HusSvát 124 'описывается знамение Рождества Христова'; *mého strýce ... aneb ujcovo dítě (!)* PrávSas 12a 'моего дяди по отцу ... или дяди по матери дети'.

Похожий случай, помимо этого, обнаружен нами в тексте с чешской языковой основой, написанном в Центральной Словакии: *wedle Conradowo ausczugu* PKB 1588 'согласно выписке Конрада' (Stanislav 1957, 197), если только под этой записью не подразумевалось ц.-слц. *Konradovo*.

Наряду с формами на *-ovo* на территории современных юго-западных чешских диалектов встречаются аналогичные неизменяемые формы ПП на *-ova* типа *latínkova klobouk* и на *-ov: f sousedov domje* 'в доме соседа', *z holkou bratrof* 'с дочерью брата' (Bělič 1972, 173). В первых можно усматривать результат застывания форм И ед. ж. р. (так для *bratrova* (*syn*) и в *ČJA* 4, 312), во вторых – форм И (= В неодушвл.) ед. м. р. с кратким *-o*, проникшим из других форм (или как в топонимах типа *Budkov*). Впрочем, второй случай застывания уместнее объяснять как следствие усечения ПП до чистой основы; при этом для типа *latínkova* (*klobouk*) правоммерно допустить контаминацию *latínkov* с Р ед. *latínka*.

Я. Гебауэр считал результатом застывания ПП в И ед. м. р. отмечавшиеся им в XIX в. южночешские «семейно-притяжательные» формы на *-ů* (из *-uo/v/<-óv*), напр.: *Bartošů vědro* 'ведро семьи Бартоша', *Bartošů Marie* 'Мария из семьи Бартоша' (Gebauer 1960, 268), какие встречаются и в современных диалектных записях из той же области, ср. *tam bál nákej Koželuhů Kuba; nevím, kerej to bil, Havlů Hondza nebo Bačků Jouza* (ČNT 81, 85). С другой стороны, Й. Зубатый в статье о семейных названиях *Novákovíc, u Nováků* и др. (Zubatý 1921, 263) не исключал, что первый член таких сочетаний может быть тождествен формам Р мн., используемым для обозначения семьи в таких контекстах, как приглагольная предложная конструкция в заглавии его заметок *u Nováků* 'у Новаков(ых)': «это подтвердилось бы точнее, если бы обнаружилось, что где-то действительно говорят *byli u nás Nováků...*» – писал он. Подчеркнем, что в историческом плане автор видел здесь реликт исконных именных форм ПП на *-ov-* с окончанием Р мн. **-ŕ*, а не субстантивную форму Р мн. имен типа *Novák* (Zubatý 1921, 266). Впоследствии обнаружилось, что тип *přišli Nováků* 'пришла семья Новаков(ых)' известен на юге Чехии (Voráč 1950; ср. также *ČJA* 4, 330-331, карта 222).

К этим южночешским «семейно-притяжательным» образованиям на *-ů*, безусловно, восходят характерные для говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе формы с конечным *-ů/-u*, выражающие принадлежность семье – либо к семье – и одновременно выступающие в качестве местных, «своих» названий

семьи и ее членов, т. е. фактически фамилий. Ср.: *Ružičku náš taki bil... starej dům* ‘вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом’ и *naše rodiče říkali: já sem Ružičku a to Luzumú* ‘наши родители говорили: я Ружичка, а то – Лузум(ы)»; *Nu Ružičku bilo tři... štiri...* ‘Ну, семьи Ружичка были три... четыре...’; *Tuhle bil Luzumú na kozu... se menuvali... Luzumú modláři... to bili modláři... jejich tata se modlil dicky* ‘Вот тут был Лузум-на-козу, так они прозывались... Лузумы-молельщики, эти были молельщики (букв. молельщиков/ы/), их отец всегда молился’; *z druhej strani... Krahulců plán, díl bil* ‘с другой стороны семьи Крагулец надел был’ и *teře Boženě Krahulců do saraje taki bouchlo* ‘тете Божене Крагулец в сарай тоже молния ударила’ и т. д. Формы эти фигурируют и в составе микропонимов типа *Králu špička* ‘вершина семьи Крал(овых)’. Соответственно диахронически их можно толковать двояко: либо, по Зубатову, как ПП на *-ov-* в Р мн. со старым окончанием *-ъ, либо, по Гебауэру, как ПП на *-ov-* в И ед. м. р. с исчезнувшим конечным *v*. Конкуренция адъективных форм род. п. мн. ч. и ед. ч. в другом местном микропониме *tadi je bálka Tupiho... Tupejch bálka* ‘тут балка Тупого... Тупых’ не позволяет сделать однозначный выбор в пользу той или иной интерпретации (ср. Скорвид – Третьякова 2009, 44-45, 50-51).

Из форм И ед. м. р. на *-ů* Я. Гебауэр также уверенно выводил, аргументируя свою трактовку «прототипическими» древнечешскими фактами XVI-XVII вв., фамилии типа *Petrů*, возникшие в ареале северо-восточных чешских диалектов: «Имена эти склонялись как должно, пока у них проявлялось притяжательное значение... Но осознание того, что это притяжательные прилагательные, постепенно исчезало, и фамилии эти, в особенности новочешские на *-ů*, совершенно отделились от прежденазванных прилагательных, а так как нет образца склонения с И ед. на *-ů*, они застыли в облики на *-ů* для всех падежей» (Gebauer 1960, 268). Остается добавить, что окончательно они застыли, видимо, только после их «метричного» закрепления в качестве фамилий, т. е. фактически в литературном языке, а не в системе диалекта. В народных же говорах, судя по записям диалектных текстов второй половины XX в., формы на *-u* (с вторичным сокращением гласного) все еще продолжают служить «местными» мужскими прозвищами от имени либо фамилии родителя, не теряя способности изменяться, подобно обычным ПП (и мало того, сохраняя в непрямых падежах часть именных форм, как и в литературном языке). Ср. из рассказа о мяснике по фамилии Гонцира: *V Jablonci... tam řezníčl ňákej Hončíra. Říkali šfechno Franta Hončíru.* (ČNT 124); о браконьере, которого люди звали просто Франта, а жандарм официально – пан Йон: *A wipravuj nám, babi, vo strejcoj Frantoj Jónovu* (ČNT 118) ‘Расскажи нам, бабушка, о дяде Франте Йонове’ (что подразумевает И ед. *Franta Jónu*). Формы эти отмечены нами в ходе экспедиции 2012 г. также в диалекте потомков восточночешских переселенцев в Среднем Прииртышье (Омская область в Западной Сибири): *ded bil Vondru* ‘дед был Вондра’, *u Franti Širelova* ‘у Франты Ширела’, *s Frantem Přibilovim* ‘с Франтой Пршиболом’ (в официальных документах последние две фамилии имеют вид *Шиллер*, *Прибыль*). При этом наименованиями семьи в северо-восточных чешских говорах выступают в И мн., как и в литературном языке, ПП на *-ovi* типа *Novákoví*, (то же в говоре чехов Среднего Прииртышья: *bili i Trpkošovi, i Kadrmasovi...* ‘были и Трпкоши, и Кадрмасы...’, *naše tatínki bili dva bratra, Vondrovi* ‘наши отцы были два брата, Вондры’), но в Р мн. опять-таки вариант общечешских народно-обиходных форм типа */u/ Nováků* с вторичным сокращением конечного гласного в *-u* (ср. *a vibjehne vot Karásku kozel* (ČNT 93) ‘и вот выбегает от Карасеков козел’), а в Д мн. специфическая форма с флексией *-om*, ср. *a ti buchtí sme chodíli pídž g Boruřkom* (ČNT 106) ‘а те пироги мы ходили печь к Боруřкам’, но *Já sem porá chodíla řo práci, k tem sedlářum* (ČNT 113) ‘Я все время ходила батрачить к тем крестьянам’ и т. п.

Функционирующие гораздо более широко семейные названия, выражающие также принадлежность к семье, типа *Novákovíc* ‘семья Новака/Новаки’ и ‘относящийся к семье

Новака/Новаков' (напр., *Nováčkovic holka, u nádraží bydlej* (Svěrák 1996, 51) 'девчонка Новачек, у вокзала живут'), напротив, локализируются в области центральных и, с изменением *-ovic* в *-ojc/-ouc/-oc/-uc*, юго-западных чешских диалектов (см. *ČJA* 4, 330-331, карта 222). Формы эти в синхронном плане можно признать в принципе несклоняемыми; исторически же их выводят из давних форм Р мн. существительных с суффиксом *-ovic*, содержащим во второй части праславянский показатель принадлежности к роду **-itjь* (ср. *dědic* 'наследник' и др.). Данная интерпретация подразумевает первоначальную атрибутивность форм на *-ovic*, функция же субъекта или объекта для них оказывается секундарной. Как это толкует Й. Зубатый (Zubatý 1921, 262), «*Novákovíc* в субъектной функции значит то же самое, что *Novákovíc lidé*, та же форма может быть и объектом (*potkal jsem Novákovíc /lidi/*)...» – т. е. генетически 'люди Новаковичей', 'я встретил /людей/ Новаковичей' и т. д. Впрочем, вопреки суждению Й. Зубатого, имя, определяемое образованием на *-ovic*, иногда восстановить нельзя, ср. особенно диал. юго-зап. *potom tadi bili pot Pavlojčma Vevečkojc* (*ČNT* 45) 'потом тут, ниже дома семьи Павелов (букв. под Павелами), были Веверки', где семейное название на *-ojc* (из *-ovic*) получает окончание Т мн. *-ma* (см. также *ČJA* 4, 334-336, карта 225). В ряду других вхождений наименований семьи на *-ovic*, *-ojc* и т. д. это употребление утверждает в мысли о восприятии таких форм в функции субъекта или объекта как неатрибутивных форм множественного числа. На этом основании было бы допустимо счесть их во всяком случае в субъектной функции восходящими к усеченному И мн. на *-ovici*. При этом, разумеется, редукция флексии все равно вела к совпадению с ними старых форм Р мн.

Результат интерференции форм Р мн. и И мн. подобных семейных названий, при существовании полного субстантивного их склонения, демонстрирует и серболужицкий язык. Ср. Р мн. и И мн., также в функции фамилий, типа н.-луж. *Domaškojc* (при наличии И мн. на *-ojce*), в.-луж. *Domaškec* (при наличии И мн. на *-ecy*), где *-ec* ← *-oc*, как в слепян. диал. *Kubikoc wuj* 'дядюшка Кубик', т. е. 'из семьи Кубика / Кубиков' (Stieber 1956, 104).

Обратное перенесение континуантов форм И мн. собственно ПП на *-ov-*, выступающих как семейные названия (типа *Polánkoj < Polánkovi* 'семья Поланек'), в атрибутивную позицию (*chlapec Tomečkoj* 'парень из семьи Томечек', *pole susedoj* 'поле семьи соседа / соседское'), по интерпретации Я. Гебауэра (Gebauer 1960, 269), имело место в валашском диалекте в Восточной Моравии (иначе Bělič 1972, 173). Из полных форм Р мн. таких ПП с диалектным изменением *-ých > -ie/ch/* в окончании словакистами выводятся – вопреки более раннему мнению о венгерском источнике конечного *-ie* в них – также «семейно-притяжательные» формы на *-ovie* в центральной словацкой области, ср. народную песню *Pod horou, pod horou čierno psíča breše, // susedovie Mara, susedovie Mara nerada sa češe...* 'Под горой черная собачонка лает, соседская Мара причисываться не любит...' (к дискуссии о генезисе форм на *-ie* см. Slovenská reč 1932).

4. Чем мотивирована такая концентрация застывших ПП и других неизменяемых посессивных форм в рамках западнославянского региона? Этот вопрос, полагаем, должен решаться в контексте тенденции к развитию в славянских языках явлений аналитизма с учетом особых условий ее действия на территории Западной Славии, в сфере исторически активной славяно-германской интерференции. Так, во многом на суть инноваций, которые были пережиты западнославянскими ПП, проливает свет сравнение с параллельным им германским генитивом.

Й. Вахек при анализе диалектных чешских форм на *-ovo/ino* констатировал, что образования эти, как переходные к субстантивному словоизменению, в типологическом плане соотносительны с английским генитивом на *-'s* (так наз. possessive case), у которого он выявил, однако же, диаметрально противоположную эволюцию. Разрушение склонения в английском, указывал ученый, у изолированных генитивных форм с закономерностью вызывало переосмысление первоначальной флексии *-'s* в словообразовательный формант, т. е. в адъективный суффикс. Кажущиеся же приметой

генитивного прошлого форм на *-s* конструкции типа *my father's house* 'дом моего отца', по мнению Й. Вахека, в синхронном аспекте требуют иной интерпретации – на фоне таких фактов, как *the King of England's property* 'собственность короля Англии' либо даже разг. *the man I saw yesterday's son* 'сын человека, которого я вчера видел'. Здесь прослеживается ослабление противопоставления слова сочетанию слов и, с другой стороны, большая свобода аффикса относительно оформляемой им основы, что так характерно для систем аналитических языков (ср. аналогичное поведение адъективного суффикса *-ish* в случаях типа *novel-reading-old-maidish* – букв. 'романо-читающе-стародевический'). Подобной свободой обладает, добавим, и окончание немецкого генитива (при безусловно словоизменительном статусе последнего), ср. явление так наз. «монофлексии» в конструкциях типа *am Hoff(e) Kaiser Karls* 'при дворе императора Карла'.

На ранних стадиях развития английского языка, допускал Й. Вахек, исторически генитивный показатель даже имел склонность лексически эмансипироваться, что обнаруживается в конструкциях типа староангл. *Sejanus His Fall* – «Падение Сеяна», название пьесы Бена Джонсона 1603 г. (где, как убежден был ученый, *-s* → *his* 'его'). Из истории немецкого языка также известны конструкции с обозначением отношения местоимением, выступающим, однако, наряду с формой генитива (*des Knaben sein Leben* 'жизнь юноши') либо датива (*dem König Xutho sein Haus* 'дом царя Ксутоса') (Behaghel 1923, 357, 638-640). Конструкции второго типа и ныне характерны для устных речевых форм (диалектных, низко обиходной) немецкого языка, будучи альтернативой сугубо книжных литературных синтетических конструкций с генитивом, ср. нем. разг. и диал. *meinem Vater sein Haus* в соответствии с лит. *meines Vaters Haus* 'дом моего отца'. Подобные дативные конструкции с местоимением, бесспорно, отражают очередной этап сокращения системы падежей в живом немецком языке практически до трехчленной с дативом как падежом непрямого объекта и одновременно атрибута; эту последнюю роль дополнительно маркирует местоимение (или, что более привычно, предлог *von*, ср. нем. разг. *das Haus von meinem Vater*). При этом генитив если не исчезает из системы падежей, то вытесняется на периферию словоизменения – следуя логике суждений Й. Вахека, в область, граничащую со словообразованием. По интерпретации чешского типолога, английский генитивный показатель *-s* переосмысливается в деривационный суффикс; в немецком же языке, в отличие от более «анализированного» английского, этот общегерманский элемент по меньшей мере в конструкциях типа *Vaters Haus*, а также с «монофлексией» типа *Opa Hansens Haus* 'дом дедушки Ганса', скорее выступает как интерфикс, характерный для немецких сложений (ср. *Vatersbruder* 'брат отца, дядя по отцу', *Vatersteil* 'отцовская доля /наследства/' и др.).

Немецкий генитив с очерченным пограничным, балансирующим статусом кажется нам не просто типологически, но и ареально соотносительным с западнославянскими ПП. Утрата последними парадигмы лишь довершает этот параллелизм: так, юго-зап. чеш. *se sousedovo kozou* = нем. *mit Nachbars Ziege*. Тем более его усиливает развитие у юго-западных чешских диалектных форм на *-ovo/-ino* способности соединяться с согласуемым компонентом в Р ед., как в примере *vo tich mejch chlapcech toho sinovo* ≈ нем. *von den Knaben meines Sohnes*.

Еще последовательнее в рамках западнославянского региона субстантивную сочетаемость с определениями или приложениями в Р ед., как констатировалось выше, получают не застывшие, но изменяемые ПП в серболужицкой (преимущественно в верхне-, в меньшей степени и нижнелужицкой) и в центральной словацкой областях. При этом хотя конструкции типа лит. в.-луж. *stareho wučerjowa zahroda* и особенно *knjeza wučerjowa zahroda* 'сад старого учителя / господина учителя' могли в преломленном виде быть продолжением исконно общеславянских сочетаемостных свойств ПП, исторически связанных со свободным построением древнейшего славянского предложения вообще, их закрепившийся в современный период структурный вариант

также предстает секундарной ареальной инновацией контактного характера. Так, лит. в.-луж. тип *stareho wučerjowa zahroda* с определением в препозиции находит прямую аналогию в немецком, где, однако, такое употребление является устаревшим или книжным, напр.: *Des alten Pfarrers Woche* («Неделя старого священника», сатирический стихотворный цикл 1844 г.), *Des alten Lehrers Geburtstag* («День рождения старого учителя», картина 1866 г. из Национальной галереи в Берлине), *das Lächeln auf des alten Lehrers Gesicht* «улыбка на лице старого учителя» (из книги 1967 г.). Равноправное употребление аналогично устроенных более живых конструкций не с прилагательным, но с притяжательным местоимением в немецком и в серболужицких (верхнелужицких) говорах отразил материал анкетирования, полученный Г. Фаской. Респондентам из нескольких деревень давалось задание перевести на родной говор с немецкого, в частности, фразу *Das ist unseres Vaters Fahrrad* – букв. «Это нашего отца велосипед». Безотносительно к возможным сомнениям в естественности собранных в итоге «образцов перевода» этот опрос недвусмысленно свидетельствует о продуктивности в верхнелужицких диалектах конструкций типа *To je / jo našo (< našeho) nanowe / nanowo koleso* и т. п. (= лит. *To je našeho nanowe koleso*) (SS 1996, 67-68).

Изоморфность этого типа с немецким очевидна; отличие связано с присутствием у серболужицких посессивных форм показателя их согласуемости с последующим именем: нем. *unseres Vaters Fahrrad* : в.-луж. *našeho nanowe koleso*. В силу своего рода аттракции такой элемент может в серболужицких говорах даже быть передан предыдущей лексеме: в.-луж. диал. *naše nanowe koleso* (SS 1996, 68), аналогично ц.-слц. диал. *moja mužova mat* «мать моего мужа» (Štolc 1966, 264). Формальную аттракцию здесь часто дополняет смысловая («велосипед нашего отца» – это и наш /отцовский/ велосипед); в то же время примеры просто уподобления форм убедительно показывают, что в том и другом случае имеет место фактически двоекратное «покрытие» повторяемой флексией (при местоимении в И ед. м. р. нулевой) группы атрибута в целом. Ср. перех. в.-луж. / н.-луж. диал. *Na mój maminy cas su byli teke zas hynakše kaž my nět* «Во времена моей мамы (≠ мои времена!) они были не такие, как мы сегодня», где начальное сочетание возможно записать так: на {{moj- (mam-)+in}}+ Ø/y cas; интересно также *Twarski mištrouy syn bě přěni, kotryž skoči do wody* «Сын управляющего был первый, кто прыгнул в воду», т. е. {{twarsk- (mištr-)+ow}}+i/y syn, где *twarski mistr* – калька нем. *Vaumeister* (SS 1996, 69, 68).

Цельнооформленность аппозитивных сочетаний из двух лексем в позиции атрибута достигает в серболужицком языке еще более продвинутой стадии «монофлексии», ср. лит. в.-луж. *farar Šěrachowe pčoby* «пчелы священника Шираха», т. е. {{[farar Šěrach]+ow}}+e pčoby ≈ нем. *Pfarrer Schierachs Bienen*; аналогично у неизменяемых «семейно-притяжательных» форм: *kowar Měršec Wórša* «Ворша из семьи кузнеца Мерша» (Šewc 1968, 103). (В материале записей диалектных текстов представлено лишь трехчленное сочетание, где при ПП выступают два аппозитивных компонента в Р ед.: *knjeza fararja Krygarjowo (< -y) namjet* «предложение господина священника Крюгера» (SS 1996, 70)).

В совокупности описанные выше колебания в связи с аффиксальным оформлением в серболужицком сложных атрибутивных сочетаний указывают на усиление в этом языке в контакте с немецким элементов аналитизма – вопреки флективному устройству ПП. Притом крайне симптоматично, что при анкетировании с опорой на перевод с немецкого верхнелужицкие говорящие преимущественно использовали ПП, но все же в 15% случаев выбрали форму Р ед. Ср. варианты перевода нем. *Das ist der Mantel der alten Frau* «Это пальто старой женщины» (помимо *To tej starej žoniny mantl* и т. п.): *To teje stareje žony mantl / To jo tej starej žone woblek* либо даже *To jo wot teje stareje žony tón plašč* (конструкция с предлогом, проникающая под влиянием немецкой *von*). Нижнелужицким диалектам конструкции ПП с адъективными компонентами, по материалам Г. Фаски,

неизвестны: в них в 100% случаев выступает тип *To jo teje stareje baby mantl / teje stareje ženskeje jaka* либо даже *To tej starej žone jeje woblek* – с добавочным местоименным обозначением отношения, как в нем. *Das ist der alten Frau ihr Mantel* (SS 1996, 68, 70).

5. Историками славянского синтаксиса уже не раз отмечалось, что конструкции ПП с определениями и приложениями были характерны для давних славянских языков (др.-чеш. типы *ode krve Abelovy spravedlivého* EvOl Mt 23, 35 ‘от крови Авеля праведного’, *o královu Václavovu boji s synem* Dal 142 ‘о борьбе короля Вацлава с сыном’, *o přiběžích krále Václavových* Let 1 ‘о делах короля Вацлава’ и др.). Добавим, что и тогда в них встречались явления аттракции и, возможно, «монофлексии», ср. др.-чеш. примеры: *s uotpuštěním s Pilátovým zlým nekřtěným* Hrad 45a, букв. ‘с поущением с Пилатовым злым некрещеным’ (Gebauer 1929, 81), *k králi Artušovu dvoru* TandBaw 320, букв. ‘к королю Артурову двору’, *raněný syn král Priamův* Troj 149, букв. ‘раненый сын царь Приамов’ и т. п. В древнерусском языке такие же конструкции с определениями могли образовывать – порой опять-таки с аттракцией – патронимы на *-(ов)ичь*, ср. примеры из Тверской летописи XIII в.: *мъстиславъ храбрый романович смоленского* (т. е. Мстислав, сын Романа Смоленского), *мъстиславъ сватославичъ черниговский всеволодича козельский* (т. е. Мстислав Святославич, внук Всеволода Черниговского, князь Козельский, позже Черниговский) (ПЛДР III, 152, 154).

С другой стороны, форму генитива в некоторых случаях выражения ею атрибута дублирует в древнеязыковых славянских памятниках притяжательное местоимение. Ср. др.-чеш.: *A chtie tomu druží, že tu země roste vzhůru k uokázání vysokosti života svatého matky božie* CestMand 64 ‘И думают иные, будто здесь земля растет ввысь ради изъявления возвышенности святой жизни Богоматери’ (список D) при ... *k uokázání vysokosti matky božie života jejího svatého*, букв. ‘ради изъявления возвышенности Богоматери жизни ее святой’ (список B); *ješto jsú dobrých a druhdy všech lidí utrhači jich cti* Tkadl 177, букв. ‘которые суть добрых, а то и всех людей обидчики их чести’; *když těch bykův jich zuby budú zmočeny...* Troj 34, букв. ‘когда этих быков их зубы будут смочены...’ Почерпнутые из переводов либо обработок двух немецких и латинского источников, эти три примера с внедрением в конструкцию местоимения не обязательно отмечены иноязычным влиянием. В первых двух в подстановке местоимения скорее проявляется дискретное построение предложения, характерное для давних славянских языков; ср. др.-рус. фразу, приводимую А. А. Потебней в ряду извлечений, снабженных общим замечанием «Лицо или вещь и их состояние или действие равно самостоятельны»: *какъ ... царствующій градъ москва отъ полскаго и отъ литовскаго короля и отъ полскихъ и отъ литовскихъ людей отъ ихъ злого плѣненія очистилась* – Пам. дипл. снош. (1613 г.) (Потебня 1968, 171-172). Третий случай следует признать особым – гипотетически здесь можно видеть контаминацию двух конструкций, генитивной и дативной, ср. то же место в др.-рус. переложении «Троянской хроники»: *в той бо мокротѣ сію силу быти рече, да егда во уста воломъ волетѣся...* ‘Эта жидкость, сказала она, обладает такой силой, что когда она в пасть (к) волам волетѣся...’ (ПЛДР VI, 258). Интересно в этой связи, что и в развитии на раннем этапе эволюции немецкого языка сосуществующих типов *des Knaben sein Leben* и *dem König Xutho sein Haus* О. Бегагель усматривал результат аналогичной контаминации конструкций с посессивным генитивом и с дативом адресата.

Дискретное – даже при контактном сочетании элементов – построение отличало и старые конструкции ПП с определениями и приложениями. В них основное имя в позиции атрибута получало форму ПП так, как если бы оно было одиночным, а определяющие члены, первоначально почти исключительно постпозитивные (если абстрагироваться от выступавших также и в препозиции приложений), адаптировались к ней в контексте в соответствии с семантикой или механически посредством аттракции. Интерпретация ПП как нормальных составляющих парадигмы готовых именных групп, пусть, возможно, и намечавшаяся в давних славянских языках, особенно в сочетаниях

с приложениями, представляет собой в целом позднее явление. Полярные точки этого развития в русском языке можно иллюстрировать на примере следующих типов конструкций: с одной стороны, др.-рус. *соудъ гарославль. володимирица* РПр 1280, а с другой – *целое особое воззрение ... не всего народа, так все-таки Макар Ивановичево* (Дост. VIII, 423). Ср. то же в языке наших дней: *Хозяйство Евгений Ивановичево // Навесом укрыть, ибо мало ли чего...* (из песни дуэта «Иваси»).

Стабилизация этой новой сочетаемости ПП в разных областях западнославянского языкового региона (включая как частный случай ее вероятное зарождение у юго-западных чешских застывших форм на *-ovo/-ino*) наступала, нужно думать, не одновременно, однако же и не изолированно в каждом из языков, а в общем процессе их ареальных контактов с немецким в условиях глобального усиления аналитизма в этой контактной зоне.

Структурно соотносительные с западнославянскими конструкции с ПП в схожем контексте балканского языкового союза конституировались в болгарском и македонском языках. Здесь, помимо конструкций типа болг. лит. *бай Ганювото пиво* Хр 313 ‘пиво бая Ганю’, макед. лит. *до поп-Силјановата куќа* МР 38 ‘до дома попа Силяна’, которые находят продолжение и западнее, в сербско-хорватской языковой области, спорадически встречаются примеры сочетаемости ПП с адъективными компонентами, ср. болг. лит. *скали ... са вежди на Свети Илиевото чело, а двете дупки в скалите – двете му очи* Хайт. 264 ‘скалы – это брови на челе святого Илии, а два отверстия в скалах – два его глаза’; макед. диал. *тројцата Итар Петроу приятели* ‘три друга Хитрого Петра’ (БНПП 425). Этот фактор требует квалифицировать также болгарские и македонские ПП как категорию синтаксической парадигмы мотивирующего имени, т. е. как его грамматическую форму, при всей вторичности и пограничном статусе таковой.

Малопродуктивные ныне ПП в русском языке тоже занимают особое место между дериватами и парадигмой мотивирующих имен, а иногда и неоднословных наименований. Например, «просторечные выражения с [...] родительным падежом существительного и притяжательным прилагательным (*к дяди Петину дому, в тети Машиной кофте*) или двумя притяжательными прилагательными (*тетин Лизин муж*)» отмечены на интернет-сайте KNOWED.RU (<http://www.knowed.ru/index.php?name=pages&op=view&id=851>); ср. с этим рекламу *Знают даже за границей Дядиванину горчицу* (в «Русском орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина, однако, признаются правильными (?) написания *дяди-Стёпин, тётин-Машин*). Другие сложные построения с ПП: *Учитель имеет право на ошибку? [...] Все мы люди и ошибаемся часто. Но каждый день можем всё изменить в своей жизни. [...] Просто потому что это наша жизнь, не дядина из горно и не тётинна – коллегинна и завучена (!)* (<http://pedsovet.org/forum/index.php?showtopic=4541&st=60>); *Поиграешь в СВОЮ игру с миром? Или продолжишь играть в чужую? Мамину-папину-чужого-дядину?* (<http://techn-izoblilia.livejournal.com/>).

Согласимся: конструкции типа *vo tich mejch chlapcech toho sinovo* или *tátovo mojeho sestra* в чешских диалектах кажутся на этом фоне почти фактом системы.

Литература:

- Исаченко 1965: Исаченко, А. В.: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I – Морфология*. Братислава 1965.
- Потебня 1968: Потебня, А. А.: *Из записок по русской грамматике. Т. III (Об изменении значения и заменах существительного)*. Москва 1968.
- Ревзин 1973: Ревзин, И. И.: *Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков*. In: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. Москва 1973, с. 39-50.

- Скорвид – Третьякова 2009: Скорвид, С. С. – Третьякова, И. В.: «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском. In: Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. Москва 2009, s. 40-54.
- Трубецкой 1987/1937: Трубецкой, Н. С.: *О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка*. In: Трубецкой, Н. С.: Избранные труды по филологии. Москва 1987, с. 219-222.
- Behaghel 1923: Behaghel, O.: *Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Band I – Die Wortklassen und Wortformen. A. Nomen. Pronomen*. Heidelberg 1923.
- Bělič 1972: Bělič, J.: *Nástin české dialektologie*. Praha 1972.
- ČJA 4: Balhar, J. – Jančák, P. a kol.: *Český jazykový atlas 4*. Praha 2002.
- ČNT: Lamprecht, A. a kol.: *České nářeční texty*. Praha 1976.
- Faska 2003: Faska, H.: *Pučník po hornjoserbsčínje*. Bautzen 2003.
- Gebauer 1929: Gebauer, J.: *Historická mluvnice jazyka českého. Díl IV. Skladba*. Praha 1929.
- Gebauer 1960: Gebauer, J.: *Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování*. Praha 1960.
- Janečková 1994: Janečková, M.: *Ještě k nářečním jevům jihočeské oblasti, srovnání s oblastí západočeskou*. In: Jazyk a řeč jihočeského regionu III. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích. České Budějovice 1994, s. 6-19.
- Janečková 1995: Janečková, M.: *Nespisovné prvky v mluvě střední generace jižních Čech*. In: Jazyk a řeč jihočeského regionu IV. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích. České Budějovice 1995, s. 13-17.
- Lötzsch 1965: Löttsch, R.: *Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteile*. Forschungen und Fortschritte, 39. Jahrgang, 1965, Heft 12, S. 377-379.
- Pauliny – Ružička – Štolc 1968: Pauliny, E. – Ružička, J. – Štolc, J.: *Slovenská gramatika*. Bratislava 1968.
- Petr 1971: Petr, J.: *Posesivní adjektiva v současné polštině*. In: Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia XIII. Praha 1971, s. 33-44.
- Skalička 2004/1941: Skalička, V.: *Vývoj české deklinace*. In: Vladimír Skalička. Souborné dílo. I. díl. Praha 2004, s. 209-247.
- Slovenská řeč 1932: Slovenská řeč, 1, 1932, č. 1, s. 14-15.
- SS 1996: *Sorbischer Sprachatlas. Band 15 – Syntax*. Bautzen 1996.
- Stanislav 1957: Stanislav, J.: *Dejiny slovenského jazyka. III. Texty*. Bratislava 1957.
- Stieber 1956: Stieber, Z.: *Zarys dialektologii języków zachodniostowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*. Warszawa 1956.
- Šewc 1968: Šewc, H.: *Gramatika hornjoserbskeje řeče. 1. zuzjask – fonematika a morfologija*. Budyšin 1968.
- Štolc 1966: Štolc, J.: *Vyjadrovanie posesívneho vzťahu v slovenčine a jeho slovanská súvislosť*. Slavica Slovaca I, 1966, č. 3, s. 259-267.
- Trubetzkoy 1968: Trubetzkoy, N. S.: *Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*. 2. Auflage. Graz – Wien – Köln 1968.
- Uličný 2003: Uličný, O.: *K deflektivizačním tendencím ve slovanských jazycích*. In: Česká slavistika 2003: České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů. Ljubljana 15.-21.8.2003. Praha 2003, s. 155-163.

- Vachek 1954: V a c h e k, J.: *K problematice českých posesívních adjektiv*. In: Studie a práce lingvistické I. Praha 1954, s. 171-189.
- Vachek 1972: V a c h e k, J.: *Ještě k osudu českých posesívních adjektiv. Glosa k pohybu v českém tvarosloví*. Slovo a slovesnost, 1972, 2, s. 146-148.
- Voráč 1950: V o r á č, J.: *K jazykovému zeměpisu Čech*. Naše řeč 34, 1950, 5-6, s. 92-96.
- Zubatý 1921: Z u b a t ý, J.: *Novákovice, u Nováků atd*. Naše řeč 5, 1921, 9, s. 257-269.

Источники:

- БНПП: *Българска народна поезия и проза. VI. Народни приказки*. София 1982.
- Дост. VIII: Достоевский, Ф. М.: *Собрание сочинений в десяти томах. Т. VIII*. Москва 1957.
- МР: *Македонски раскази*. Скопје 1979.
- Пам.дипл.снош.: *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. I. Тт. 1-10*. Санкт-Петербург 1851-1871.
- ПЛДР III: *Памятники литературы Древней Руси. Т. III. XIII век*. Москва 1981.
- ПЛДР VI: *Памятники литературы Древней Руси. Т. VI. Конец XV – первая половина XVI века*. Москва 1984.
- РПр: *Русская правда по списку Новгородской Кормчей (1280)*.
- Хайт.: Х а й т о в, Н.: *Шумки от габър*. София 1977.
- Хр.: Андрейчин, А. – Попова, В. – Първев, Х.: *Христоматия по история на новобългарския книжовен език*. София 1973.
- AlexPovA: *Povídka o Alexandru Velikém. Rukopis A (1433)*.
- CestMand: *Cestopis tzv. Mandevilla*. Vyd. F. Šimek. Praha 1911.
- ComestC: *Petra Comestora Historia scholastica. Rukopis C (1404)*.
- Dal: *Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila*. Vyd. B. Havránek, J. Daňhelka. Praha 1957.
- EvOl: *Evangeliář Olomoucký*.
- Hrad: *Hradecký rukopis*.
- HusSvát: *Mistr Jan Hus. Česká kázání sváteční*. Vyd. F. Šimek. Praha 1952.
- LegJidM: *Legenda o Jidášovi. Zlomek Muzejní*. In: C e j n a r, J.: *Nejstarší české veršované legendy*. Praha 1964.
- Let: *Staré letopisy české z Vratislavského rukopisu*. Vyd. F. Šimek. Praha 1937.
- PKB: *Poštové knihy z Boce (1588-1602)*.
- PrávSas: *Knihy distinkční práva saského*.
- RZvíř: *Rada zvířat (1528)*.
- Svěrák 1996: S v ě r á k, Z.: *Kolja. Filmová povídka podle námětu Pavla Taussiga*. Praha 1996.
- TandBaw: *Tandariáš a Floribella. Sborník hraběte Baworowského (1472)*.
- TandZ: *Tandariáš a Floribella. Rukopis Zebererův*.
- Tkadl: *Tkadleček. Hádka milence s Neštěstím*. Vyd. F. Šimek. Praha 1974.
- Troj: *Kronika Trojanská*. Vyd. J. Daňhelka. Praha 1951.